

УДК 821.161.1

ГОГОЛЬ И НАТУРАЛЬНАЯ ШКОЛА: РЕПЛИКА*Е. А. Сурков***GOGOL AND NATURAL SCHOOLE: A REMARK***Е. А. Surkov*

В статье рассматривается проблема «Гоголь и натуральная школа». Значение Петербурга как дискурсивного образа в жизни и творчестве раннего Гоголя. Предлагается нетривиальное объяснение фактов биографии писателя.

In article the problem «Gogol and natural school» is considered. Value of Petersburg as discursive image in life and creativity of early Gogol. The uncommon explanation of the facts of the biography of the writer are offered.

Ключевые слова: Гоголь, натуральная школа, Петербург, образ дискурса.

Keywords: Gogol, natural school, Petersburg, an image of a discourse.

§ 1. Проблема «Гоголь и натуральная школа», благодаря литературно-критическим усилиям В. Г. Белинского, представляется аксиоматичной в ее генетико-преемственном аспекте. Поддержанная и научно аргументированная в работах советских литературоведов (В. Виноградов [1], А. Цейтлин [13], В. Кулешов [7], отчасти Ю. Манн [8], [9]) она, кажется, не требует каких-то существенных дополнений и корректировок. А высказывание то ли французского дипломата де Вогюэ, то ли Ф. Достоевского о том, что «все мы вышли из гоголевской “Шинели”», афористично статует ее в истории русской литературы. Однако связь произведений писателей натуральной школы с творчеством Гоголя, которая обычно прослеживается на уровне «художественного интереса писателя к проблемам действительности (среда) и ее функциональным связям с человеком, природой человека» [8, с. 236], в равной степени может быть отнесена, например, и к Пушкину, а то «художественное мироощущение “натуральной школы”», которое «выразилось в “физиологиях” – жанре, который приобрел в 40-х годах широкую популярность и распространение» [8, с. 272], может быть соотнесено не только с петербургскими повестями Гоголя, но и, например, с «Повестями Белкина», такими, как «Гробовщик» или «Станционный смотритель». Любопытно при этом, что сам Гоголь, не забывайте, в 40-е годы XIX века в период расцвета и наивысших достижений натуральной школы, был творчески активен, но ни разу не обозначил своей связи с творчеством писателей натуральной школы, пропагандируемой Белинским. Наконец, если говорить о жанровой поэтике «физиологий» натуральной школы и принципах их построения, описанных А. Цейтлиным и Ю. Манном, то они восходят не только к французским физиологиям, но и к русской демократической прозе XVII – XVIII века точно так, как французская «физиология» – к западноевропейскому плутовскому роману.

Что все это значит?

1. Мы до сих пор находимся во власти концепции историко-литературного процесса, сформулированной еще Белинским, суть которой можно было бы определить как классический центризм.

2. До сих пор у нас еще недооценена значимость словесности XVIII столетия, в которое были созданы основные литературные институты, ставшие затем основанием, на котором вырастает творческий потенциал следующих поколений русских писателей и дискурсивный потенциал следующего поколения текстов. Это в равной степени относится как к натуральной школе, так и к творчеству Пушкина и Гоголя.

3. Продуктивнее натуральную школу понимать не как некую художественно-эстетическую общность, но как особый этап развития русской реалистической прозы, на чем настаивал Ю. Манн, восходящий к русской демократической прозе XVII – XVIII века. Сложное взаимодействие «нового» и «старого», классики и беллетристики в системе коммуникативных стратегий и дискурсивного потенциала культуры и определяют динамику литературной эволюции.

4. Пути глубинных художественных трансформаций, приведших к появлению нового культурного и литературного феномена, должны рассматриваться как история дискурсивных преобразований и коммуникативных механизмов порождения текста в рамках определенной культурной парадигмы.

И в этом случае Гоголь действительно окажется одним из прямых предшественников русского «натурального» дискурса. Реальные факты жизни писателя оказались продуктивным контекстом смыслопорождения и текстообразования в художественной системе натуральной школы.

Обращу внимание лишь на один момент творческой биографии раннего Гоголя, связанный с Петербургом.

§ 2. Общеизвестно, что тема Петербурга является одной из основных в творчестве писателя. Но если к Петербургу как к художественному образу исследователи обращались не раз, то Петербург как эстетическая реальность особого типа в сознании молодого Гоголя, влиявшая на его мировосприятие, а затем и его эволюцию, – не был еще, насколько нам известно, предметом специального рассмотрения. Дело в том, что к концу XVIII – началу XIX века Петербург в национальной культурной традиции

оформился в дискурсивный образ, закрепленный в эстетической и семантической памяти русской культуры и литературы. (Под образом дискурса мы понимаем субститут национальной культурной традиции и семантической памяти в конкретном тексте, как он сложился в культурной памяти эпохи, с закрепленным за ним определенным рядом ассоциаций, впечатлений, способов художественного освоения темы, мотивного комплекса и обладающего собственной интратекстуальной функциональностью).

В литературоведении прочно утвердилось мнение, что Петербург в восприятии Гоголя – это «город зла», на этом настаивали Г. А. Гуковский [4], М. Б. Храпченко [12], С. И. Машинский [10], список можно было бы продолжить. Так, например, современный исследователь А. Иваницкий называет Петербург «антимиром» [6], противопоставленным всей России. Не будем сейчас вдаваться в суть этих оценок, во многом, кстати, справедливых по отношению к творчеству Гоголя. Отметим лишь, что прежде, чем прийти к такому взгляду на Петербург, Гоголю пришлось пережить существенную духовную эволюцию.

Петербург для Гоголя «нежинского периода» был средоточием его высоких помыслов и мечтаний, во многом определяемых тем дискурсивным потенциалом, который сложился к этому времени применительно к образу Петербурга в русской литературе XVIII века. И если для Гоголя 1830-х годов характерна художественно-идеологическая оппозиция «Малороссия-Петербург», где Малороссия олицетворяет норму человеческого бытия, а Петербург – ее искажение, то для Гоголя 1820-х годов эта оппозиция прямо противоположна. Сошлюсь на письма Гоголя 1827 – 1828 годов к М. И. Гоголю, Г. И. Высоцкому, П. П. Косяровскому, отражающих традиционную лексико-семантическую систему мотивов и тем романтического дискурса, с его непременным противопоставлением «высокого» и «низкого», «неба» и «земли», неизбывным одиночеством и сиротством героя, стремлением к исполнению своего высокого предназначения и так далее. Понятно, что все позитивное связано с Петербургом – «райским местом» (письмо к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 года из Нежина) [3, с. 17], а все отрицательное – «с пустым и чужим» Нежином, в котором Гоголь ощущает себя «иноземцем, забредшим на чужбину». Примечательно, что и письма эти пишутся не при свете дня, а в полночь. «Но...позвольте, маминька! Свеча горит и скоро уже полночь...» (письмо к М. И. Гоголю от 24 марта 1827 года) [3, с. 13].

Или в письме к Петру П. Косяровскому: «...я не могу больше писать к вам. Совершенно истомился весь. 12-ть часов проиграло, а еще не написал иestre». Как известно, «полночь» – излюбленное время романтиков, превративших этот временной отрезок в типовую романтическую дискурсивную модель. Все это требует объяснения. Дело в том, что мировосприятие Гоголя «нежинского периода» было преимущественно романтическим, отражением

которого стали не только письма, но и идиллия «Ганц Кюхельгартен», отразившая и романтическое мировосприятие писателя, и его реальное поведение. Тот тип личности, который был изображен в идиллии, оказывался лично образующим и для самого Гоголя, а дискурсивный образ романтического поведения становился определяющим в организации реального пространства писателя. Происходило очень тесное сближение эстетической и житейско-бытовой реальности, когда действительная жизнь строилась по законам романтического дискурса. (Надо сказать, что подобная особенность организации реального пространства была связана с общей особенностью русской культуры и литературы XVIII – начала XIX века, которые в этот период активно осваивали эстетический опыт западноевропейской литературы, переводя «чужие» европейские модели на язык русской культуры и ментальности, делая их «своими»). Так, например, во второй половине XVIII века образ идиллического пространства естественно и легко мог становиться образцом для организации реального пространства и житейского обихода, в котором присутствовал сентиментально-идиллический тип ролевого поведения. Один тип воплощения идиллического находим, например, в построении и функционировании дворцового комплекса Павловска, другой – в таком феномене русской культуры XVIII века, как «домашнее» творчество А. Т. Болотова. В этом же ряду находится и так называемый «обуховский сюжет» в русской литературе конца XVIII – начала XIX века, создателями которого были В. Капнист, Г. Державин, Н. Львов. Косвенно к этому литературно-бытовому сюжету оказался причастен и Н. Гоголь).

Письма Гоголя 1827 года и «Ганц Кюхельгартен» показывают, что в его поведении, мыслях, мировоззрении и творчестве определяющим началом был романтически-личный канон, объясняющий, в частности, и первоначальное восприятие Петербурга, реальный облик которого оказывался слит с его идеальной сущностью (подобно тому, как мысли и чувства самого юноши были слиты с идеальными помыслами романтического героя). В результате – Петербург превращался в символ неограниченных возможностей и самых радужных надежд. «Да, может быть, мне целый век достанется отжить в Петербурге, по крайней мере, такую цель начертал я уже издавна. Еще с самых времен прошлых, с самых лет почти непонимания, я пламенел неугасимую ревностью сделать жизнь мою нужною для блага государства, я кипел принести хотя малейшую пользу. (...) Холодный пот проскакивал на лице моем при мысли, что, может быть, мне доведется погибнуть в пыли, не означив своего имени ни одним прекрасным делом – быть в мире и не означить своего существования – это было для меня ужасно (...) здесь только буду истинно полезен для человечества (письмо к Петру П. Косяровскому от 3 октября 1827 года) [3, с. 19 – 20].

В романтической оппозиции Петербургу как месту «высокой» мечты противостоял Нежин как месту «низкой» действительности. «Как тяжело

быть зарыту вместе с созданными низкой неизвестности в безмолвие мертвое! Ты знаешь всех наших существователей, всех, населивших Нежин. Они задавили корою своей земности, ничтожного самодоволия высокое назначение человека. И между этими существователями я должен пресмыкаться...» (письмо к Г. И. Высоцкому от 26 июня 1827 года) [3, с. 15].

В конце декабря 1828 года Гоголь, наконец, прибывает в долгожданный Петербург – и уже первые впечатления от «столицы» (именно так теперь называет Петербург Гоголь) буквально переворачивают его былые представления. «Скажу еще, что Петербург мне показался вовсе не таким, как я думал, я его воображал гораздо красивее, великолепнее, и слухи, которые распускали другие о нем, также лживы» (письмо к М. И. Гоголь от 3 января 1827 года). Происходит сближение прежних оценок, дававшихся Нежину и нежинским «существователям», с оценками, которые теперь даются Гоголем Петербургу и петербуржцам.

«Тишина в нем (Петербурге. – Е. С.) необыкновенная, никакой дух не блестит в народе, всё служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их» (письмо к М. И. Гоголь от 30 апреля 1829 года) [3, с. 25].

Гоголь переживает широко известный в романтической литературе конфликт: столкновение мечты и реальной действительности. Происходит постепенная трансформация прежней романтической оппозиции «Петербург» – «Нежин» на также романтически окрашенное, с акцентом на природу, противопоставление «Малороссия» – «Петербург», которое в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» станет сюжетообразующим началом («Приход весны в нашу пыльную столицу, которая вовсе не похожа на весну, заставляет меня с сожалением вспоминать о нашей малороссийской весне») (письмо к М. И. Гоголь от 22 мая 1829 года) [3, с. 29]. И хотя в письмах Гоголя еще очень много романтической риторики, отрезвление происходит очень быстро. Как укор самому себе и прежним романтическим представлениям о Петербурге звучат его слова из письма к М. И. Гоголь от 24 июля 1829 года: «Еще глупее те, которые оставляют отдаленные провинции, где имеют поместья, где могли бы быть хорошими хозяевами и приносить несравненно более пользы, или если уже дворянину непременно нужно послужить, служили бы в своих провинциях; так нет, надо потаскаться в Петербург, где мало того, что ничего не получают, но сколько еще перетаскают денег из дому...» [3, с. 30]. Это почти цитата из «Выбранных мест из переписки с друзьями» (1847). Вообще, следует отметить, что эпистолярный дискурс Гоголя конца 1820-х годов очень важна не только историко-литературная, но и теоретическая проблема, который во многом, вплоть до совпадения лексико-семантических моделей, предопределяет его литературный дискурс (имею в виду прежде всего его петербургские повести: «Невский проспект», «Нос»,

«Шинель»). И в этом смысле прав Ц. Тодоров, когда говорит о дискурсе как структуре «после языка, но до высказывания» [11, с. 367].

До сих пор не нашел удовлетворительного объяснения важный факт биографии раннего Гоголя – его неожиданная для всех поездка в Германию (июль – сентябрь 1829 г.). Как замечает И. Золотуский: «На самом деле это была одна из необъясненных, почему именно в Германию? Почему так неожиданно? Дело в том, что Германия в сознании Гоголя конца 1820-х годов была страной «идеального Шиллера», страной «романтиков». Поэтому бегство в Германию (именно так объясняет матери свою поездку Гоголь: «Я увидел, что мне нужно бежать от самого себя, если я хотел сохранить жизнь, водворить хотя тень покоя в истерзанную душу») (письмо к М. И. Гоголь от 24 июля 1829 года) [3, с. 31], было вполне логичным для романтической модели поведения, характерной для Гоголя конца 1820-х годов. Бегство в Германию было необходимо прежде всего как своеобразная морально-эстетическая компенсация за те разочарования в собственных романтических иллюзиях, которые принесло столкновение с реальной действительностью Петербурга.

Реальными фактами своей биографии Гоголь предвосхитил широко распространенную в русской литературе 1840 – 1850-х годов сюжетно-конфликтную ситуацию: переезд юноши-романтика из провинции в Петербург (символ романтических надежд), столкновение с реальным Петербургом и слом характера (разочарование в своих романтических представлениях), – в свое время блестяще описанную Ю. Манном применительно к художественным произведениям Я. Буткова, И. Гончарова, И. Панаева, В. Соллогуба, А. Галахова, Н. Некрасова. В творчестве самого Гоголя этот тип конфликта оказался снятым реальным столкновением романтических взглядов писателя с петербургской действительностью, став составляющей дискурсивного пространства эпохи. Поэтому повествовательные жанры натуральной школы вступают в активный диалог не только с предшествующими текстами, но и, в терминологии Б. М. Гаспарова [2], с «коммуникативной средой» культуры в целом и теми дискурсивными образами, которые сложились в ней к этому времени.

Литература

1. Виноградов, В. В. Поэтика русской литературы: Избранные труды / В. В. Виноградов. – М.: Наука, 1976. – 508 с.
2. Гаспаров, Б. М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. М. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
3. Гоголь, Н. В. Собрание сочинений: в 9 т. / Николай Васильевич Гоголь / сост. и коммент. В. А. Воропаева, И. А. Виноградова. – М.: Русская книга, 1994. – 784 с. – Т. 9. Письма.
4. Гуковский, Г. А. Реализм Гоголя / Г. А. Гуковский. – М.; Л.: Художественная литература, 1959. – 532 с.

5. Золотусский, И. П. Гоголь / И. П. Золотусский. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 485 с.
6. Иваницкий, А. И. Гоголь. Морфология земли и власти (к вопросу о культурно-исторических основах подсознательного) / А. И. Иваницкий. – М.: Изд. РГГУ, 2000. – 188 с.
7. Кулешов, В. И. Натуральная школа в русской литературе XIX века / В. И. Кулешов. – М.: Просвещение, 1982. – 238 с.
8. Манн, Ю. В. Утверждение критического реализма. Натуральная школа / Ю. В. Манн // Развитие реализма в русской литературе: в 3 т. – М.: Наука, 1972. – Т. 1. Просветительский реализм. Утверждение критического реализма. – С. 234 – 291.
9. Манн, Ю. В. Философия и поэтика натуральной школы / Ю. В. Манн // Проблемы типологии русского реализма. – М.: Наука, 1969. – С. 241 – 305.
10. Машинский, С. И. Художественный мир Гоголя / С. И. Машинский. – М.: Просвещение, 1979. – 432 с.
11. Тодоров, Ц. Понятие литературы / Ц. Тодоров // Семиотика. – М., 1983. – С. 355 – 369 с.
12. Храпченко, М. Б. Николай Гоголь: литературный путь. Величие писателя / М. Б. Храпченко. – М.: Современник, 1984. – 654 с.
13. Цейтлин, А. Г. Становление реализма в русской литературе: русский физиологический очерк / А. Г. Цейтлин. – М.: Наука, 1965. – 319 с.